

ДЖО
БЕВЕРЛИ

*Запретное
наслаждение*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б36

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jo Beverly

A SHOCKING DELIGHT

Перевод с английского *М.Л. Павлычевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Беверли, Джо.

Б36 Запретное наслаждение : роман / Джо Беверли ; [пер. с англ. М.Л. Павлычевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-086948-0

Красавица и богатая наследница Люси Поттер — идеальная партия для наследника благородного, но обедневшего рода Дэвида Керслейк-Сомерфорда, недавно получившего титул герцога Уиверна... и все семейные долги в придачу. Что еще замечательнее, он искренне, страстно влюблен в девушку и она отвечает взаимностью.

За чем же дело стало? Увы, Дэвид ведет двойную жизнь, и вторая, темная ее часть, в которой он известен как отчаянный «капитан Дрейк», предводитель шайки контрабандистов, делает его брак с Люси, презирающей нарушителей закона, невозможным, если, конечно, герцог не пойдет на циничный обман возлюбленной...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Jo Beverly, 2014
© Перевод. М.Л. Павлычева, 2014
© Издание на русском языке АСТ
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086948-0

Глава 1

Лондон, 13 мая 1817 года

Люси Поттер сидела в библиотеке и очень надеялась, что этот день принесет перемены. Вернее, что с сегодняшнего дня ее жизнь будет почти такой же, как прежде — увы, без любимой мамочки, но с отцом, который снова станет частью ее бытия.

Год назад Элис Поттер — ей было всего сорок — умерла от инфлюэнцы. Отец закрыл висевший здесь, в библиотеке, портрет матери черным крепом, а полгода назад переместил ткань на раму, так что образ мамы остался в черном обрамлении. Люси рассчитывала, что сегодня отец обязательно уберет черную ткань с портрета, и надеялась, что это событие ознаменует большие перемены.

И отец перестанет избегать ее.

Девушка знала, почему он так себя ведет. Когда она смо- трелась в зеркало, то видела лицо, практически идентичное тому, что было изображено на портрете над камином: светлые волосы, полные губы, большие голубые глаза. Только вот уже год лицо Люси не сияло радостью и счастьем.

Высокородной Элис Стэнли было восемнадцать, когда писали этот портрет. В тот год она впервые вышла в свет. Люси же сейчас двадцать один, но она выглядела такой же юной, как и ее мать на портрете, и такой же красавицей. К сожалению, это сходство и стало причиной охлаждения к ней отца.

Хотя мама никогда не переживала из-за того, что окружающие считают женщин с внешностью такого типа легкомысленными, Люси все же предпочла бы иметь более грубые отцовские черты. Ее красота была настолько яркой, что когда

они вместе с отцом шли по Сити — правда, ей уже давно не удавалось вытащить его в город, — даже строгое платье и простая шляпка не могли затмить ее очарования.

Что бы ни думали окружающие, глядя на милое личико Люси, девушка была далеко не легкомысленной. Из всех сфер деятельности ее больше всего увлекала коммерция. Проявив упорство, она настояла на том, чтобы отец поручал ей самостоятельно вести кое-какие дела: выбирать товары на аукционах и подыскивать рынки для их сбыта, изучать спрос и организовывать поставки из дальних стран.

Люси нравилось этим заниматься, и она собиралась строить свою жизнь вокруг бизнеса, однако все ее мечты войти в волнующий мир Сити рухнули вместе со смертью матери.

Отец вскоре вернулся к делам и стал работать на износ, пытаясь таким образом хоть немного унять свою тоску, но больше не предлагал Люси сопровождать его на деловые встречи, да и заговаривал с ней только при крайней необходимости. В тех редких случаях, когда он ужинал дома, за столом всегда присутствовали гости.

Люси тщетно вчитывалась в статью, опубликованную в последнем номере журнала «Ежемесячный информатор для джентльменов», однако плохо понимала написанное, так как все время прислушивалась, не прозвучат ли шаги отца. Он обязательно должен прийти, говорила она себе.

Сегодняшний день девушка ознаменовала тем, что без сожаления убрала из своего гардероба серые и фиолетовые наряды полутраура: не из тщеславия, а исключительно потому, что эти цвета ей не шли, — затем надела любимое платье, пошитое более двух лет назад, небесно-голубое и очень простого покроя. Люси надеялась, что столь разительная перемена никого не шокирует. Конечно, она могла бы надеть что-нибудь менее яркое, но мама на портрете была изображена в белом, поэтому Люси решила не облачаться в бледные тона.

Часы пробили два.

Сегодня ей предстоит вместе с подругами отправиться в «Краун» на бал-ассамблею, который обозначит окончание официального траура, и для этого события Люси приготовила платье светлых тонов с узором из веточек. На балу она собиралась танцевать все танцы и надеялась, что в ассамблею ее будет сопровождать отец, однако он еще не вернулся домой.

Люси посмотрела на портрет и спросила себя, а не согрешит ли она, если помолится на него как на изображения святых. Ведь мама наверняка стала святой, и ей хочется, чтобы муж и единственный ребенок были счастливы. Рискнула же она всем, чтобы и самой стать счастливой.

Элис Стэнли, вторая дочь виконта Бланта, после представления ко двору собиралась занять надлежащее место в обществе и найти достойного мужа. Казалось, что ее жизненный путь — красавицы знатного происхождения с приданым в девять тысяч фунтов — будет прямым и гладким.

Однако ее взгляд упал на безродного Дэниела Поттера — Элис увидела его во дворе гостиницы, где он в рубашке с закатанными рукавами грузил коробки на телегу, — и она в одно мгновение потеряла разум от любви. Некоторое время они тайком встречались, а спустя несколько недель сбежали в Гретна-Грин.

Лорд Блант вполне мог отречься от дочери и даже уничтожить ее портрет, но отдал его ей вместе с приданым. Однако на этом их общение закончилось: видеться с ней он отказался. Элис расстроилась, но от этого счастье, обретенное на Нейлер-стрит в лондонском Сити, не стало меньше.

И так было до ее смерти год назад.

Люси достала из кармана носовой платок и высморкалась. Нельзя, чтобы отец застал ее плачущей! Она часто ощущала себя полной сиротой, ей казалось, что в тот ужасный день она лишилась обоих родителей. Что же делать, если ее жизнь останется такой же, как в прошедший год? Что, если и сегодня ничего не изменится?

Хлопнула дверь. Девушка встрепенулась, боясь надеяться. Это отец!

Люси выпрямилась и улыбнулась, но так, чтобы не выдать свою радость.

— Добрый день, папа.

— Добрый день, котенок. — Отец прошел в комнату. В его манерах присутствовала странная легкость и непринужденность. Он бросил взгляд на портрет — на этот раз его лицо не исказила страдальческая гримаса, на нем отразилась лишь грусть, — потом на Люси. — У меня попросили твоей руки.

Это было так неожиданно, что слова прозвучали для девушки полной бессмыслицей. Она отдавала себе отчет лишь

в том, что отец здесь, сел в свое любимое кожаное кресло лицом к ней и выглядит так, будто мрачные времена миновали.

Отец не отличался крепким телосложением: вырос в приюте, где скудное питание не способствует правильному развитию тела, — но одевался дорого и элегантно, обладал недюжинной физической силой, несмотря на худощавость, а также отличался — что гораздо важнее — острым умом, сообразительностью и мудростью. Он сделал свое огромное состояние практически из ничего, и Люси искренне восхищалась им.

Наконец до девушки дошел смысл сказанного.

— Это брачное предложение, папа? И его сделали через тебя? А кто?

— Некто неизвестный, которого представляет поверенный по имени Полифант.

Люси хихикнула.

— Полная нелепость.

Вот чудеса — отец улыбнулся ей в ответ!

— И ведь правда, дочка. Но самая главная интрига в том, что это титулованная особа.

— Это еще бóльшая нелепость.

— Какой-то глупец от аристократии, — сказал отец, — разорился из-за собственного безрассудства, а теперь ищет невесту с богатым приданым. В то же время многие из деловых людей сами приплатили бы какому-нибудь аристократу — лишь бы взял в жены их дочку, и все ради того, чтобы их внуки стали дворянами.

— Только не ты, папа.

— Тебе не кажется, что для воспитанника приюта было бы большим достижением, если бы его внук унаследовал титул?

Его глаза лукаво блеснули.

Как же давно она не видела этого блеска!

— Тебе придется удовольствоваться племянниками, — поддразнила Люси отца. — Высокородным Джереми Фитчем, который однажды станет лордом Кардусом, или Персивалем Стэнли, которому предстоит унаследовать титул виконта Бланта.

На эту шутку отец не отреагировал.

— Многие из дочек дельцов в Сити были бы счастливы обменять богатое приданое на пэрскую корону.

— Наверное, да.

- А у тебя очень богатое приданое, котенок.
- Слишком богатое! Зря ты его увеличил.
- А почему бы не увеличить, если бизнес процветал всю войну? К тому же ты помогала мне время от времени.
- Тогда еще раз благодарю тебя за то, что в двадцать один год имею в распоряжении тридцать тысяч.
- Вполне возможно, я поступил необдуманно, но ты у меня разумная девочка.

Люси почувствовала, что отец ведет себя немного неестественно, но не понимала, в чем причина: может, наконец оправился от своего горя?

— Папа, расскажи поподробнее об этом странном предложении.

— А рассказывать больше нечего. Поверенный уверял меня, что лорд Безденежный обладает добрым характером и хорошим здоровьем и что будет тебя холить и лелеять.

— Уверена, все это должно было тронуть меня до слез, — но вместо этого я задаюсь вопросом: откуда совершенно посторонний человек мог узнать размер моего приданого?

— Он мог просто предположить: ведь ты моя единственная дочь. Кроме того, существует определенный реестр, каталог.

— Каталог! Как на аукционе! Какая низость. Но откуда о моем приданом могли узнать составители каталога?

— Достаточно одного человека, чтобы разошелся слух.

— Это Лиланд всем разболтал? — Люси даже предположить не могла, что их поверенный мог так поступить, и пристально посмотрела на отца. Дэниелу Поттеру всегда удавалось скрывать свои мысли и чувства от кого угодно, но только не от дочери. — Папа! Неужели ты?

Он едва заметно кивнул.

— Нет смысла держать это в секрете, котенок. Я бы очень хотел, чтобы ты заняла место, которое принадлежит тебе по праву.

— Какое место?

— В аристократических кругах. Твоя мама хотела видеть тебя в том мире, в котором она была своей. Она обрадовалась бы, если бы ты приняла приглашение тети Кардус провести сезон у нее в Мейфэре. Ведь теперь, когда траур закончился, тебе ничто не мешает.

Люси хотела было запротестовать — привести убедительные доводы против. Ее мама никогда не упоминала о своем желании видеть дочь в аристократических кругах,

и хотя поддерживала связь со своей сестрой, они никогда не были близки.

Почему-то после кончины жены отца стали одолевать странные идеи. Он винил себя в ее смерти — как будто Элис не заболела бы инфлюэнцей, если бы вышла замуж за человека, равного ей по статусу; корил себя за то, что не обеспечил ей идеальную во всех отношениях жизнь. Это было неправдой. Он всегда делал все возможное, чтобы возместить то, от чего она отказалась ради него.

И дрова, горевшие в камине, были доказательством его усилий. Большинство лондонцев топили углем, а ее маме всегда нравилось, когда в камине горели дрова, — это напоминало ей о детстве в Глостершире. Так что когда отец перестраивал и ремонтировал свой лондонский дом, всюду были оборудованы дровяные камины. И каждую холодную зиму из деревни привозили дрова отменного качества и складывали под навесом в дальнем конце сада.

— Вот это было ее миром, папа, — мягко проговорила Люси, — и именно здесь то самое место, которое принадлежит мне по праву, — в этом доме, на этой улице, в Сити. Я в полной мере довольна своей жизнью.

— Тебе нравится сидеть одной и читать скучный журнал?

— Весь вчерашний день я провела с подружками, а сегодня вечером мы идем на ассамблею в «Краун». Этот номер «Ежемесячного информатора для джентльменов», как всегда, изобилует самыми свежими новостями.

Отец отмахнулся.

— Тебе пора замуж, котенок. Вряд ли твою маму обрадовала бы чопорная классная дама, сухой и черствый делец, а дело, судя по всему, к этому и идет. У тебя множество поклонников, но ты никого к себе не подпускаешь.

Люси почувствовала давление — такое происходило впервые. Наверное, это еще одно последствие его горя? Но вот как этому противостоять?

Придав своему голосу беспечность, девушка привела аргумент, который должен был бы обезоружить отца.

— Вспомни, папа: мама хотела, чтобы я полюбила — так же как любила она. Так вот я еще не встретила человека, который вызвал бы у меня такие чувства.

— Это меня и беспокоит. У девушек твоего возраста уже с десяток глупых влюбленностей за плечами.

— Ты разочарован, что я не превращаюсь в глупую гусыню при виде посыльных и извозчиков?

Отец оставался на удивление серьезным.

— Что было бы вполне естественно. Взгляни на свою подружку Бетти — она сходила с ума по тому груму в Блейкли.

— Ой, этой истории уже много лет! Бетти тогда было пятнадцать!

— А вот у тебя в пятнадцать ничего такого не было.

— И ты упрекаешь меня за это?

— Ничего подобного. — Вид у отца был раздраженный. В душе Люси тоже поднялось раздражение. — Я бы позаботился о том, чтобы ты не натворила глупостей, но своими делами отнимал у тебя слишком много времени.

— Мне это нравилось.

— Это противоестественно. Я желаю тебе счастья.

— Я счастлива, — твердо заявила Люси, чувствуя, как ее охватывает страх. — У меня есть друзья, интересы, я много читаю. Вот здесь напечатана интересная статья о станциях оптовой торговли в Джакарте. Давай поговорим об этом.

«А еще о бизнесе и перспективах, об экзотических товарах из дальних стран».

— Не сейчас, котенок. Мне нужно еще кое-что сказать тебе.

Сейчас судьба нанесет очередной удар. Что же это такое?

— Я собираюсь снова жениться.

Слова повисли в воздухе. Не в силах поверить своим ушам, Люси выдохнула:

— Что?

— Не надо так болезненно реагировать, котенок: со смерти твоей мамы прошел год.

— Но зачем?

Отец закатил глаза.

— Мне сорок пять, Люси. Ты предлагаешь мне до конца дней жить отшельником? Я привык воспринимать тебя как мужчину. Зря я тебе так сказал.

Люси покраснела, однако, со своим мужским складом ума, едва не спросила, почему он не может обойтись шлюхами.

— И кроме того, — продолжил отец, — мне нужен сын, наследник.

Люси почувствовала себя так, будто из нее вынули что-то важное и оставили лишь болезненную пустоту.

— Мы с твоей мамой всегда переживали из-за того, что у нас больше не было детей, но такова воля Божья, и наше

горе компенсировалось радостью, которую дарила ты, однако сейчас...

— Ты хочешь сказать, что теперь радуешься смерти мамы?

— Проклятье, Люси!

Девушка спрятала лицо в ладонях.

— Прости. Прости: ведь знаю, что это не так, — но никогда не предполагала, что ты найдешь ей замену, да еще так скоро.

— Я и не нашел. Шарлотта понимает это.

— Шарлотта?

— Шарлотта Джонсон. Она приняла мое предложение.

«Кто бы сомневался!» — с горечью подумала Люси. Это шикарная партия для вдовы врача. Но и отец сделал вполне логичный и удачный выбор. В своей жизни он только один раз поступил иррационально — когда сбежал с дочерью виллы.

Миссис Джонсон, здравомыслящая женщина тридцати лет, жила по соседству и воспитывала двух крепеньких малышей. Правда, девочек, но был шанс, что со временем у нее родится и мальчик.

Люси понимала: Шарлотта Джонсон не заменит маму, а вот новорожденный сын Шарлотты станет заменой ей самой. Девушка всегда считала, что будет наследницей своего отца и со временем войдет в его бизнес, однако отец, вероятно, смотрел на все это по-другому. Вернее, смотрит сейчас, когда все изменила возможность иметь детей. В конечном итоге сын Шарлотты Джонсон заберет у Люси все.

— Мне жаль, что тебе все это не по душе, котенок, но Шарлотта будет тебе доброй матерью.

Новой мамой?

Будет распоряжаться там, где когда-то царствовала ее мама?

Люси инстинктивно подавила в себе шок и боль, но внутри все кипело. Она найдет выход. Она все исправит. Найдет способ. А пока нельзя говорить ничего такого, о чем можно потом пожалеть, нельзя сжигать за собой мосты.

— Это такая неожиданность, папа. Ты заслужил счастье, и раз уж ты уверен, что миссис Джонсон будет тебе доброй женой, так тому и быть. Желаю тебе всего хорошего.

Люси готова была взорваться, но вместо этого улыбнулась, гадая, насколько естественной выглядит ее улыбка.

Кажется, отец ничего не заметил. «Это моя девочка», — как-то сказал он. А теперь изгоняет свою «девочку» из своего мира? Случается, что женщины управляют бизнесом. Случается, что дочери наследуют дело отцов. Редко, но случается.

Неужели дело в ее внешности? Миленькая не значит слабоумная. Уж кто-кто, а отец должен понимать это.

Он встал и поцеловал ее в макушку.

— Ты моя ненаглядная дочка, Люси, и я всем сердцем люблю тебя. Ведь ты знаешь это, не так ли? Мое самое заветное желание — видеть тебя счастливой.

Девушка немного оттаяла.

— Знаю.

— И в надлежащем окружении.

Люси стоило большого труда сохранить спокойствие до той минуты, когда отец выйдет из комнаты. Но и после его ухода она не шевельнулась.

«В надлежащем окружении».

По его мнению, ей не место здесь, в ее доме, в ее мире.

Через четверть часа размышлений Люси ощутила себя так, будто ее душу вывернули наизнанку, и не знала, чем теперь заполнить воцарившуюся там пустоту.

Она вскочила и устремила взгляд на портрет матери, как будто ждала от него помощи. Но так бывает только в сказках: умершие приходят к живым, чтобы помочь или, наоборот, помучить. Девушка отвернулась, на глаза навернулись слезы. Она не допустит, чтобы ее лишили всего, что ей дорого!

Бетти Хенуэй, ее ближайшая подруга, жила через дорогу, и Люси поспешила к ней, даже не надев шляпку.

— Твой отец и миссис Джонсон? — ахнула Бетти, когда они уединились в девичьей спальне. — Мачеха?

Поддержка подруги приободрила Люси.

— Ужасно, правда?

— Кошмар! — заявила Бетти, обнимая ее.

Бетти — тоненькая, темноволосая, с карими глазами — славилась своим здравомыслием. Вот и сейчас, проанализировав ситуацию, она в раздумье сказала:

— Миссис Джонсон вполне приятная дама, с этим не поспоришь, но ведь хозяйкой в доме теперь станет она...

— Вот именно! А для меня это самое страшное, поэтому оставаться там я не смогу. — Стоило эту мысль облечь в слова, Люси поняла, что так и есть.

— И куда же ты денешься? Люси, не делай поспешных шагов.

— Поспешных?

— Ну, то есть не хватайся за первого попавшегося поклонника.

Люси рассмеялась.

— Вот уж это я сделаю в последнюю очередь! Но мне нужно ведь где-то жить, хотя бы какое-то время, пока не освоюсь, пока не придумаю...

«Как с этим справиться. Ведь должен же быть выход».

— Ты не можешь сбежать из дому, — возразила Бетти. — Это будет выглядеть как протест — будто ты не приемлешь миссис Джонсон в качестве своей мачехи.

— Это действительно так, не приемлю.

— Твой отец молодой мужчина, а значит, ему нужна женщина. Просто прими это как неизбежность.

Люси вздохнула.

— Почему я была так слепа? Мне казалось, невозможно забыть великую любовь... Я теряю веру в свои умственные способности, и это еще одна причина уйти из дому — все осмыслить, смириться наконец.

Бетти усадила ее на диван.

— Давай искать выход. Что насчет родственников? Есть ли кто-нибудь, к кому ты можешь уехать на недельку или две?

— Какие родственники? Ведь моя мама стала причиной скандала, когда вышла за сироту из приюта. — Люси поморщилась, но потом вдруг лицо ее просветлело. — Сестра мамы, леди Кардус, приглашала меня после окончания траура провести у них сезон, кухне Кларе предстоит выйти в свет. Я отказалась, но...

— Переехать в Мейфэр?

— Ну а почему нет? Это же не дебри Африки! Вполне реально воспользоваться таким шансом. Более того, я могла бы уже через пару дней перебраться туда. К тому же светские вечеринки уже в полном разгаре.

— Но ты никого там не знаешь!..

— Ничего. Для начала достаточно.

— Ах да. Ты изредка их навещала.

— Выйдя замуж, тетя Мэри получила возможность приглашать маму, а став постарше, я ездила с ней, но это случилось не часто. Тетя с семейством живет в Лондоне только весной, к тому же с мамой она никогда не была близка.

— Разве не ты говорила, что твоя тетка жуткая зануда и всегда всем недовольна?

— Ну да, говорила.

— А что насчет кухни?

— Клара на три года младше меня, и, насколько я помню, в ее голову не часто забредают разумные мысли.

— Люси, ты возненавидишь эту компанию.

— Бетти, у меня нет выбора!

— То же самое сказала Изабел в «Проклятии Черногории», прежде чем сбежать в итальянский монастырь.

— При чем тут роман! Я не понимаю, как можно читать такую чушь, — ты же здравомыслящий человек!

— Иногда очень забавно не быть здравомыслящей. Это была шутка, дорогая. Я просто боюсь, что ты ринешься из огня да в полымя. Ты же знаешь, как так называемый «бомонд» относится к людям вроде нас — как к простолюдинам.

— Я только наполовину простолюдинка.

— Тот грандиозный скандал с твоим появлением в свете разгорится с новой силой, как обычно это бывает.

Вот об этом Люси не подумала.

— Ну почему ты всегда все раскладываешь по полочкам?

— В обычных обстоятельствах ты тоже так делаешь.

— В обычных обстоятельствах моя жизнь не переворачивается с ног на голову в одно мгновение. Если говорить о скандале, то тогда возникает вопрос: а зачем тетя Мэри вообще пригласила меня? Наверное, видит в этом неприятный долг и самопожертвование.

— Тогда тебе тем более нельзя переезжать к ней.

Люси встала и зашагала взад-вперед по комнате.

— Но мне просто необходимо на некоторое время уйти из дому, и несколько недель с тетей Мэри — единственный приемлемый вариант, что приходит мне в голову. Все поймут, почему я ухватилась за эту возможность. Я могу даже пустить слух, будто это планировалось заранее.

— Тебе там будет плохо, — продолжала настаивать подруга. — Все твои друзья здесь, к тому же ты занята в отцовском бизнесе.

Люси никогда не говорила Бетти, что отец отдалился от нее, поэтому не удивилась ее неосведомленности. Вероятно, Бетти считала, что все то время, что Люси в действительности проводила в библиотеке за чтением книг, журналов и газет, было посвящено бизнесу ее отца.

— Ему придется месяц обойтись без меня. Чем больше я обдумываю план, тем сильнее он мне нравится. Наверное, я слишком восприимчива. На жизнь нужно смотреть с долей скепсиса и иронии, как на посредственную пьесу, которую пытаются выдать за великое произведение. К примеру, вместо того чтобы кричать «браво!» и устраивать овации, рассмеяться...

— Только если не слишком громко.

— О, мои манеры будут безупречны. Вполне возможно, что этот спектакль мне даже понравится. Я побывала на множестве ассамблей и частных танцевальных вечеров, но никогда не была на больших балах. Есть еще венецианские завтраки и музыкальные вечера, на которых выступают лучшие исполнители. Я уж не говорю о том, что на подобных мероприятиях может представиться возможность пообщаться с герцогами и денди.

Судя по виду, слова подруги Бетти не убедили.

— А не лучше было бы выйти замуж? Артур Страмфорд, кажется, все еще проявляет к тебе интерес.

Люси передернуло. Артур Страмфорд сделал ей предложение всего две недели назад, и она ему отказала, точно так же как и многим другим поклонникам до него. Мужчины Сити не нуждались в официально опубликованном реестре — или как он там называется, — чтобы понять, где на дереве висит самый сочный плод.

— Если тебе не подходит Артур, есть другие. Чарли Карсон так и не расстался с надеждой, а Питер Фрум...

— Я не собираюсь замуж! — отрезала Люси и поспешно добавила: — Во всяком случае, пока не полюблю. Вот ты, Бетти, влюблена. Разве тебе не хочется, чтобы твоя подруга тоже испытала радость и была счастлива?

На губах Бетти появилась мечтательная улыбка — как всегда, когда речь заходила о ее возлюбленном Джеймсе Гринло и грядущей свадьбе, — однако нить разговора она не потеряла.

— Я очень хочу, чтобы ты полюбила, Люси. Но что, если ты вдруг влюбишься в лорда, а он окажется напыщенным индюком, да к тому же игроком или пьяницей?

Эти слова вызвали у Люси задорный смех.

— По-твоему, я способна на такой идиотизм?

— Нет, но ты окажешься в мире, который весьма и весьма далек от нашего.

Люси села и обняла подругу.

— Когда начинаешь говорить всякие глупости, я понимаю, что ты расстроена. Не переживай, я справлюсь. Обещаю.

— Но ты будешь так далеко!

Ох, подумала Люси, еще момент, который она не учла. До чего же глупая!

— Всего в трех милях.

— Мы с тобой всегда жили на одной улице, и если ты выйдешь за лорда, пусть и достойного...

— И что? — спросила Люси, озадаченная паузой.

— Кто знает, где ты окажешься? Семья твоей мамы происходит из Глостершира. Ты можешь оказаться где угодно. Даже в Шотландии! Я этого не вынесу.

Люси подняла правую руку.

— Торжественно клянусь, что не выйду замуж за шотландского лорда. Кстати, о свадьбе: у тебя есть какие-нибудь новости об отце? Когда его ждать?

Этот вопрос отвлек Бетти от грустных мыслей. К свадьбе все уже было готово, оставалось лишь назначить дату, а это зависело от того, когда ее отец вернется из деловой поездки в Филадельфию. Никогда еще его возвращения не ждали с таким нетерпением.

Люси пришлось выслушать подробный рассказ о ремонте и перестановке в комнатах дома Гринло, где Джеймсу и Бетти предстояло жить первое время. А может, и всегда. Джеймс был старшим сыном, и предполагалось, что со временем он возьмет на себя руководство семейным строительным бизнесом. Уже сейчас, в двадцать три года, он управлял всем в отсутствие отца.

То есть его ждало именно то будущее, на которое надеялась Люси.

Бетти возбужденно рассказывала о грядущей свадьбе, и ее щебет заставил Люси задуматься о бракосочетании отца. Хоть венчаться предстоит людям не первой молодости, период подготовки будет наполнен такими же обсуждениями нарядов, праздничного завтрака и — осознала она вдруг с горечью — переделок в доме.

В ее доме!

Она под надуманным предлогом распрощалась с подружкой и поспешила на противоположную сторону улицы, словно для того чтобы защитить дом от нападения.

Остановившись на тротуаре, девушка оглядела здание в поисках первых изменений и облегченно выдохнула: дом